

ГЕРОИ СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЫ

Комплект из 3 книг

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

**Герои секретной войны.
Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

2023, 2025, 2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Герои секретной войны. Комплект из 3 книг / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2023, 2025, 2026 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-252484-4

Комплект из 3 книг — платите меньше, читайте больше! В состав входят: «Альпийская охота», «Леший в погонах», «Тайный фронт». Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности. «Альпийская охота» Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». Май 1945 года. Советская разведка разыскивает скрытую в Альпах секретную лабораторию известного кибернетика Отто Клаусена, создавшего для гитлеровцев уникальную систему машинного шифрования. Известно, что Клаусен ведет переговоры с американцами, предлагая свои труды в обмен на новую жизнь. Этого допустить нельзя: военные разработки и их автор должны быть захвачены или уничтожены. Первая группа советских поисковиков бесследно пропала в горах. Берия приказывает послать по следу кибернетика разведчиков Максима Шелестова. Бойцы сливаются с отступающей немецкой воинской частью и движутся к границе, где скрывается Клаусен. Шелестов еще не знает, что его группе предстоит вступить в схватку с головорезами сразу нескольких вражеских разведок... «Леший в погонах» Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». Лето 1944 года. Советские войска развивают наступательную операцию под кодовым названием «Багратион». Не ожидая такого мощного удара, гитлеровцы вынуждены в спешном порядке эвакуировать свои тыловые службы. В районе Орши, прихватив секретный архив агентурной сети, пропадает начальник местного отделения гестапо. На поиски документов исключительной важности отправляется группа Максима Шелестова. Один из ее членов, Борис Коган, практически добравшись до цели, внезапно натывается на вражеский патруль. Для контрразведчика это

верная смерть... Так бы и случилось, если бы в последний момент один из немцев не показался Когану подозрительно знакомым... «Тайный фронт» Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии». 1944 год. В Румынии к власти приходит король Михай Первый. Он разрывает отношения с Гитлером и берет курс на сближение с Советским Союзом. В Бухаресте планируется встреча глав государств антигитлеровской коалиции. Однако фашистские недобитки пытаются сорвать это мероприятие. Будучи хорошо осведомлены о деталях предстоящей встречи, бандиты обстреливают самолет, в котором летят представители советской делегации. Для обеспечения безопасности в Румынию в числе других направляется группа спецназа Максима Шелестова. Помимо прочего, бойцам дано особое задание: выявить и обезвредить засевшего в наших рядах предателя... *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252484-4

© Тамоников А. А., 2023, 2025, 2026

© Эксмо, 2023, 2025, 2026

Содержание

Альпийская охота	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Тамоников
Герои секретной войны.
Комплект из 3 книг

Альпийская охота

© Тамоников А.А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Глава 1

10 мая 1945 года в Берлине не пахло весной. Пахло тлением, пылью и пеплом. Воздух, густой и тяжелый, был пропитан сладковатой, приторной нотой разложения, которая перемешивалась с едкой гарью, запахом мокрого обгоревшего кирпича и холодного железа. Особая оперативная группа Главного управления госбезопасности НКВД СССР под командованием подполковника Шелестова прибыла в Берлин во второй половине дня. Офицеры хорошо понимали, что увидят город значительно разрушенным после страшных боев. Но особенно потрясен был Михаил Сосновский, который работал в Берлине до войны. И сейчас столица Третьего рейха была больше похожа не на город, а на руины.

Там, где должна быть улица, сейчас оставались лишь развалины: обрушенные стены, из которых торчали скрюченные балки. Расчищенная на скорую руку брусчатка под ногами была усыпана осколками стекла, поблескивающими как слезы, и мелкой кирпичной крошкой. Фасады, еще сохранившие следы былого величия – лепнина, карнизы, – были испещрены шрамами от пуль и осколков. Сквозь развороченные снарядами оконные проемы хоть как-то уцелевших стен на людей смотрела темными глазницами мертвая пустота.

Всюду царила неестественная, оглушительная тишина, нарушаемая лишь скрипом смещающихся обломков, редкими криками саперов и далеким приглушенным стуком, который производили рабочие, проводя восстановительные работы. Дважды оперативники видели очередь из стариков, женщин и детей с тарелками, котелками и обычными кастрюлями возле солдатских полевых кухонь, выставленных прямо в развалинах. Немцы! Они стояли у походных кухонь русских солдат-победителей и получали тарелку супа. А в глазах... У кого-то пустота, у кого-то мольба и отчаяние. Оперативники шли по улицам поверженного Берлина, и никак не верилось им в то, что стоит такая тишина.

Но эта тишина была обманчива. Она как будто была густо населена призраками. В ней слышалось эхо недавней ярости: рев залпов «катюш», лязг гусениц, грохот разрывов снарядов, непрерывающаяся стрельба автоматов и пулеметов и предсмертные крики. Эти звуки будто питали в себя сами камни.

Иногда ветер, пробираясь сквозь развалины, поднимал с земли серую пыль и пепел. Он шелестел обугленными страницами книг, каким-то тряпьем, разбросанным по развалинам, трепал клочья дорогих обоев, свисавших с обнаженных стен. Среди щебня лежали немые останки чьей-то оборвавшейся жизни: фарфоровая кукла с отбитым лицом, разбитый патефон, раскрытая Библия. И среди этого всеобщего разрушения особенно зловещими казались уцелевшие здания фашистского правопорядка. Массивные, почти невредимые здания министерств, банков, штаб-квартир гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе. Их тяжелые, непроницаемые фасады холодно и высокомерно взирали на окружающее разрушение. За их толстыми стенами еще как будто дышал другой мир: запах воска, кожи и старой бумаги. Бесконечные коридоры, пустые сейфы с зияющими дверцами, аккуратные горы пепла в каминах – следы лихорадочного уничтожения улик.

– Ну, вот и все, – тихо сказал Сосновский, остановившись посреди улицы, усыпанной битым кирпичом, толстым слоем пыли и стреляных гильз. – А я ведь помню Берлин совершенно другим.

– Фашистским? – хмуро осведомился Коган, глядя на советских солдат, которые вместе с санитарными командами временных местных органов власти выносили из развалин найденные тела.

– Ты знаешь, Боря, – задумчиво ответил Сосновский, – нацисты – это группа людей, пусть очень большая группа людей, которая запудрила мозги целому народу. А ведь в истории этого

народа были и светлые эпохи, это целый пласт европейской культуры. Я верю в возрождение прежней Германии без нацистов, без идеологии расового превосходства.

– Ну, вот прежде чем начнется это возрождение, – усмехнулся Шелестов, – мы должны приложить все усилия, чтобы переловить главных виновников мировой трагедии под названием Вторая мировая война. Наш народ вынес на своих плечах всю тяжесть этой войны, и у нас есть право проследить, как будет возрождаться Германия... Виктор, ты слышал репортаж из Москвы о праздничном салюте?

– Да, – кивнул Буторин и, не сдержавшись, улыбнулся. – Знаете, за эти страшные годы мы так привыкли к голосу Левитана, который извещал нас о потерянных городах, а потом о наступлении Красной армии. И мы невольно оценивали, сколько еще жизней наших солдат положено ради вот этого дня. А тут его сообщение о подписании Акта о безоговорочной капитуляции и о том, что война окончена. Окончена! Более долгожданного слова у нас никто и не знает.

И Буторин стал рассказывать о репортаже, который слушал по радио здесь, в Берлине. О том, как ликовали москвичи на вечерних улицах города, в котором отменили правила светомаскировки. Только с 29 апреля в Москве снова засияли вечерами окна домов, улицы снова заливались огнем фонарей. Рассказывал о празднике, о слезах радости на глазах людей. И о салюте из 30 артиллерийских залпов тысячи орудий. О том, что он сопровождался перекрестными лучами из 160 прожекторов и пуском разноцветных ракет.

Он говорил, а мимо шли беженцы с тележками, велосипедами, ковыляли старики по развалинам в поисках чего-то, что еще может послужить, а что-то можно будет обменять на еду. И снова полевые кухни, которые кормили местное население, оставшееся без власти, без надежды, скованное страхом перед возможной карой за содеянное. Четверо оперативников, прибывших в Берлин, чтобы участвовать в розыске нацистских главарей, шли по разрушенному городу и никак не могли поверить, что война окончена. И то, что произошло дальше, по большому счету никого не удивило. Этого следовало ожидать, и к этому нужно быть готовым каждую минуту, несмотря на мирное небо над головой и подписанный акт о капитуляции.

Детский крик заставил четверых советских офицеров остановиться и повернуться в сторону трехэтажного здания, наполовину разрушенного. Именно в его целой половине, где сохранилась часть крыши и даже лестничные марши и перегородки, что-то происходило. Шелестов первым не задумываясь бросился на шум, выхватив из кобуры пистолет. Оперативники поспешили за командиром, озираясь по сторонам и спотыкаясь о битый кирпич. Сначала они увидели худенькую бледную девочку лет шести или семи с коротко остриженными, давно не мытыми волосами. Платье ее было порвано на плече, чулки сползли с худеньких коленок. Ребенок лежал среди камней и поломанной мебели и рыдал, невнятно выкрикивая какие-то слова по-немецки.

Что тут произошло, стало ясно почти сразу. В темном углу разрушенного коридора на кирпичах сидел подросток в черной запыленной форме гитлерюгенда¹. Даже его волосы были в пыли, а на ногах стоптанные, явно с чужой ноги ботинки с порванными и грубо связанными узлами шнурками. Паренек жадно ел из котелка прямо рукой, обжигаясь и давясь. Рядом на камнях лежал автомат. Было понятно, что этот мальчишка только что отобрал котелок с едой у девочки. А она ведь его несла кому-то. Судя по всему, тому, кто сам не мог идти к полевой кухне русских солдат.

Увидев русских, мальчишка весь собрался в комок, сжался, глядя на офицеров не столько с ненавистью, сколько с ужасом. Немец вдруг выронил котелок и схватил автомат. Оперативники бросились в разные стороны, пытаясь укрыться от пуль за стенами. И тут же вдогонку им

¹ Гитлерюгенд (нем. Hitlerjugend – гитлеровская молодежь). Нацистская молодежная организация в гитлеровской Германии.

ударила длинная автоматная очередь. Коган прыгнул в укрытие последним, задержав взгляд на несчастной девочке. Эта заминка едва не стоила Борису жизни – одна пуля едва не чиркнула его по погону, а вторая сбила с головы фуражку. Падая, Коган отполз в сторону и попытался понять, кто же из его товарищей ближе всего к девочке.

Шелестов и Сосновский были рядом, когда немецкий мальчишка открыл по ним огонь. Максим машинально взвел курок пистолета, прикидывая расстояние до ближайшего разбитого дверного проема. Если проскочить туда, то удастся зажать этого дурака с двух сторон. И тогда можно или заставить его сложить оружие, или ликвидировать. Учитывая ситуацию, они имели на это полное право. Но Сосновский схватил командира за рукав гимнастерки, удерживая за грудой битого кирпича, и крикнул по-немецки:

– Прекрати стрелять, брось оружие!

– Не возьмете! – истерично крикнул мальчишка. – Хайль Гитлер!

– Ах ты, щенок, – зарычал Шелестов, и тут новая очередь прошла по верху груди кирпича возле его головы, заставляя снова сползти вниз и не выставлять голову.

– Подожди, – снова дернул командира за рукав Сосновский и закричал парню: – Дурак, ты никому не нужен! Твой Гитлер застрелился, вермахт капитулировал. Брось автомат и иди домой к матери!

– Врете, врете! – кричал мальчишка, продолжая стрелять короткими очередями.

И вдруг его автомат замолчал, как будто захлебнулся. И сразу же в той стороне, где немец только что стрелял, прижимаясь спиной к стене, раздался какой-то шум, посыпался мусор и осколки кирпича. Сосновский и Шелестов переглянулись и бросились вперед, разделившись так, чтобы дистанция между ними была хотя бы метра три. Но стрельбы больше не было, а в полумраке пыльного угла развалин происходила какая-то возня. Короткий возглас, кто-то тонко вскрикнул от боли, а потом раздался недовольный голос Буторина:

– Ах ты, волчонок! Зубы-то какие крепкие...

Автомат валялся в стороне на кирпичах, под сапог попался немецкий армейский штык, а потом Буторин встряхнул за шиворот и поставил на ноги отчаянно сопротивляющегося паренька. Одна рука Виктора сжимала воротник куртки мальчишки, а вторая – запястье его правой руки. Шелестов и Сосновский подошли, засовывая свои пистолеты в кобуры на ремне. Немец сник и перестал дергаться. В тишине развалин слышно было только, как он яростно шмыгает носом.

– Можете убить меня, – прошипел мальчик по-немецки.

– Ты так хочешь умереть? – спросил мальчика Сосновский. – А кто страну восстанавливать будет, кто будет заботиться о немцах, кто их накормит? Фюрер ваш застрелился, его подручные разбежались, и остались только такие, как ты, женщины и старики. Ты хоть понимаешь свою ответственность перед страной? Не стрелять надо, а кормить, одевать, строить!

Мальчишка поднял недоуменный взгляд на русского офицера, который так хорошо говорил по-немецки, как настоящий уроженец Берлина. А потом его взгляд устремился куда-то между русскими. И тогда мальчишка нахмурился еще больше. Оперативники обернулись и увидели, что Коган ведет к ним за руку ту самую девочку, чей крик привлек их внимание. Борис подвел плачущую девочку, поднял с камней котелок, из которого содержимое вылилось на строительный мусор, а потом поднес его к самому лицу мальчишки.

– Кто так поступает? – спросил Коган по-немецки. – Немецкий юноша, который хочет защищать свой народ? Или так поступают варвары, которые напали на цивилизованную страну? Кто отнимает еду у ребенка? Ты? И кто ты после этого? Кому она несла котелок с супом?

– Дедушке... – прошептала девочка и, неожиданно повернувшись, уткнулась лицом в гимнастерку Когана и заревела снова.

Это было так удивительно, с таким доверием к сильному человеку, просто к тому, кто сейчас мог помочь, кто пожалел в безвыходной ситуации, для кого ее беда, ее горе было разрешимо. И мальчишка, который только что стрелял в русских, в тех, кто захватил его город, убивал немцев, вдруг увидел совершенно другую картину. Они не убили его самого в ответ на стрельбу из автомата, они пожалели девочку, они сейчас смотрели строго и ругали его, как это когда-то делал его школьный учитель. И все это уже не было похоже на войну. Куда-то далеко улетели эхом призывы доктора Геббельса из радиоприемников, грохот артиллерии, лязг танковых гусениц на улицах столицы, визгливый голос наставника его группы в гитлерюгенде. Всего этого уже не было, и почему-то даже не особенно верилось, что все это было. Просто этому мальчику всю его жизнь втолковывали о расовом превосходстве немцев, а потом две недели страшных боев – и его ненависть выплеснулась в эти автоматные очереди. Но перед ним были дяденьки, которые ругали его и стыдили, а потом пожалели немецкую девочку. А он отнял у нее суп. Хотя клялся защищать таких, как она. Помутившийся разум вдруг стал проясняться. И он снова стал тем самым мальчишкой-школьником, а взрослые так и остались взрослыми людьми, которые всё решали, за все отвечали и делали этот мир таким, каким он им был нужен. А он мальчишка, и больше ничего.

Он шел, спотыкаясь. И когда русские вывели его на улицу и посадили на камни, тот самый черноволосый вернулся к кухне, и ему налили снова котелок супа. И потом русские потащили его вместе с девочкой куда-то в развалины. И там в доме без стены, на кровати они нашли старика. Беспомощного, с трясущимися руками и слезящимися глазами. И русские заставляли его смотреть, как эта девочка, хлюпая носом и шепча какие-то добрые и нежные слова, кормила дедушку с ложки и вытирала платком ему подбородок. Мальчик смотрел, как девочка, пытаясь выразить благодарность, приседала в книксене и все тараторила слова благодарности господам офицерам. А когда ее стали расспрашивать, она снова расплакалась и рассказала, что отец ее не вернулся с фронта, а мама пропала во время бомбежки. И она осталась одна с дедушкой и кормила его, пока не кончились продукты. А потом она пошла искать еду и увидела кухню и немцев, которым наливали суп, и ей налили. Ей даже дали для этого свой котелок чужие солдаты. Шелестов смотрел на этого немецкого парня и физически ощущал, как у того в голове переворачивается мировоззрение в связи с тем, что он увидел. Орды дикарей, которые придут и будут все уничтожать, убивать, насиловать, грабить, пожирать детей, плясать на костях немцев, вдруг превратились в нормальных людей. Да, строгих, но понимающих, что такое человечность, уставших от войны, но готовых и дальше сражаться за свои идеалы, ради своих целей, за свой народ. А вот немцы... такие, как вот этот паренек, они тут были лишними, они были тенью прежнего страшного мира, его страшного конца.

– Что за мальчишка?

Майор Крапивин из городской комендатуры встречал группу на аэродроме, помогал устроиться. Сейчас, увидев Шелестова и его товарищей на камнях неподалеку от полевой кухни, он остановил мотоцикл и подошел к оперативникам.

– Знакомая публика? – спросил Шелестов.

– Да, пока еще встречаются, приходится вылавливать. Фанатики.

– Пороть их надо, – буркнул Буторин, – как у нас пороли во все времена. Теперь уже поздно.

– А мне кажется, что этот многое уже понял, – покачал Коган головой. – В каком-то смысле он уже сам себя выпорот бессонными ночами и горячим стыдом.

Крапивин смотрел на немецкого парня, как тот смотрит на город, на немцев: и тех, кто помогает расчищать улицы, и тех, кто стоит в очереди за пищей, как он опускает голову и кусает губы. Явно не то ожидал увидеть этот паренек после прихода Красной армии. И майор из комендатуры решил за всех. Он повернулся и крикнул по-немецки:

– Густав! Подойдите сюда, пожалуйста!

От группы немцев, грузивших обломки бревен на машину, отделился высокий пожилой человек в длинном черном пальто и с седыми кайзеровскими усами. Он подошел, вытирая ладонью лицо. Не вытянулся перед русским офицером, не щелкнул с готовностью каблуками. Было в этом старике и какое-то достоинство, и понимание.

– Да, господин майор?

– Густав, вы знаете этого парня?

– Нет, он мне незнаком. – Старик оглядел паренька с головы до ног и нахмурился, он наверняка понял по его одежде, к какой организации тот принадлежал.

– Возьмите-ка вы его под свое покровительство, Густав. Запутался паренек, но, кажется, он начал многое понимать. А у вас он прозреет, по-другому станет смотреть на новый мир без нацизма.

Старик постоял возле русских офицеров, глядя на парня, потом вздохнул и кивнул ему:

– Пойдем со мной.

Паренек удивленно посмотрел на Густава, поднялся. Потом непонимающе оглянулся на русских, но Шелестов махнул ему рукой.

– Иди, иди! С Густавом. Будешь работать с ним: помогать людям, город восстанавливать. И страну.

– Товарищ подполковник, – Крапивин бросил взгляд на наручные часы, – вас срочно просит прибыть к себе генерал Берзарин.

Платов в Москве шел по коридору в сторону кабинета Берии, здороваясь по пути с коллегами. Внешне он был спокоен. Никто не мог похвалиться, что видел комиссара государственной безопасности хоть раз в жизни раздраженным, взбешенным. А тем более напуганным, расстроенным. В феврале 1944 года одновременно со своими прочими обязанностями ему пришлось возглавить отдел «С», который занимался агентурной работой и обобщением материалов по атомной проблематике. А в мае 1945 года ему пришлось возглавить отдел «Ф» НКВД СССР. Сейчас, когда война закончилась, очень важно было активизировать работу с гражданами СССР на территории Восточной Европы и побывавшими в плену или интернированными. Это предполагало большой объем агентурной работы, чисто проверочной: проверка и фильтрация репатрируемых советских граждан и граждан союзных и нейтральных государств.

И сейчас Платов шел к Берии с докладом о том, что группа «Химера» уже двое суток не выходит на связь. Петр Анатольевич снова и снова прокручивал в голове последнюю информацию. Ничто не предвещало провала, могла произойти только случайность, одна из тех, которые предвидеть невозможно. Но это слабенький аргумент в докладе руководству...

– Разрешите? – Платов открыл дверь и замер на пороге.

В кабинете Берии горели все светильники и люстры. Там было светло как днем, и это радовало. Будь сейчас в кабинете наркома полумрак, и снова накатит сонная вялость, снова начнут утекать последние силы. Берия только что вернулся с ночного совещания Государственного комитета обороны и теперь сидел за столом и что-то быстро писал на листе бумаги. Платов подумал, что у Берии может быть очень мало времени и доклад ограничится общими сведениями и до дела «Химеры» не дойдет. Но нарком поднял ясные внимательные глаза на Платова и бросил на стол карандаш. «Двуличный, – подумал комиссар госбезопасности, – точно двуличный».

– Садись, Петр Анатольевич! – приказал Берия, убирая лист бумаги, на котором писал, в верхний ящик стола. – Ситуация накаляется, становится все сложнее. А мы-то мечтали, что закончится война и сразу отдохнем. Мечтали? А вот не вышло отдохнуть, все только хуже становится. Инженеры проекта ФАУ, по нашим сведениям, попали к американцам, атомный проект утекает между пальцами... Что у тебя? Какие сведения от группы «Химера»?

«Ну, вот и все, – мрачно подумал Платов. – И здесь неприятность, и здесь у нас не получилось. Сломали хребет нацизму, а сливки вместо нас снимает Запад». Но Петр Анатольевич сразу же взял себя в руки и отогнал мрачные мысли. «Какого черта я распустил сопли!» Множество чертежей, проектная документация по ФАУ у нас, есть образцы, есть двигатели, есть немецкая аналитика по неудачам, аварийным пускам. А Курчатов активно использует немецкие достижения по атомному проекту. Немецкие специалисты уходят на Запад? Да к черту их! Наши лучше, наши пойдут дальше. Ведь немцы уперлись в стену, и мы знаем, почему и на какой стадии. Но с «Химерой» все плохо, а я даже не знаю, что это за проект. Все случилось так быстро: приказ, оперативно собранная группа, которую передали опытному разведчику, шесть лет проработавшему в Германии...

– «Химера» двое суток не выходит на связь, товарищ нарком, – спокойно ответил Платов, хотя внутри у него все сжалось от неприятных предчувствий.

Выражение лица Берии не изменилось. Он по-прежнему смотрел на Платова, только глаза его стали другими. В них отразилась смертельная усталость от этой войны, запрятанная так глубоко, чтобы не мешать работать, чтобы изо дня в день искать решение, принимать на себя нелегкую ответственность и работать, работать, работать. Сутками, несмотря на то, ночь сейчас или день. И каждую неудачу пропускать через себя, чтобы четко понять, где ошибся ты, а где другой. Можно ли еще доверять, какой объем работы можно доверять, на что вообще еще способен человек, который с тобой рядом, который делит эту ответственность, не оглядываясь на нее, не щадя себя.

– Двое суток, – повторил Берия. – Что они могли успеть за эти двое суток, где они сейчас могут быть и что могло произойти? Провал, случайность, утечка?

– Самолет взлетел пятьдесят два часа назад. Через три часа группа должна была высадиться на перевале Гросглокнер, в двух километрах севернее деревушки Хайлензиль. Кодовое слово в эфире не прозвучало. Это может означать и авиакатастрофу при посадке или то, что самолет сбит истребителем союзной авиации.

– Может означать и то, что рация была уничтожена в горах, – ледяным тоном добавил Берия. – Ты говорил, что группу формировали из людей, имеющих горную подготовку? Маловероятно, но может быть все. Если уничтожена рация, мы даже не узнаем, дошли они до лаборатории или нет. Ты понимаешь, Петр Анатольевич, что мы с тобой находимся в безвыходном положении? У нас нет другого варианта, другого выхода нет, кроме как захватить Клаусена с его оборудованием и материалами или уничтожить и его, и материалы, и все оборудование. Его не должно быть, не должно существовать. Оно должно достаться нам или должно быть уничтоженным раз и навсегда.

Платов это знал. Они не раз обсуждали все варианты операции по поиску «Голема». «Големом» советская разведка называла проект немецкого ученого Отто Клаусена. Сначала в поле зрения попала деятельность американского математика Норберта Винера. Талантливый ученый, который работал над математическим аппаратом для систем наведения зенитного огня. Он успешно создавал детерминированные и стохастические модели по организации и управлению американскими силами противовоздушной обороны. Но результат превзошел все ожидания. Винеру удалось предложить новую действенную вероятностную модель управления силами противовоздушной обороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.